

УДК 336.2(571.1/.5)(091)

Налоги и повинности народов Сибири в пореформенный период

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируется податная политика империи в отношении сибирских инородцев, виды, характер и размер податей и налогов, проводится компаративный анализ податной политики самодержавия в отношении других сословий населения Сибири.

Ключевые слова: народы Сибири, налоги, повинности, податная политика, компаративный анализ.

До 60-х гг. XVIII в. эксплуатация коренных жителей Сибири осуществлялась преимущественно в виде сбора ясака пушнинаой. По мере развития хозяйства, усиления товарно-денежных отношений и роста торговли создавались предпосылки для коммутации ясака и замены натуральной ренты денежной. Эта тенденция отражала объективные потребности развития аборигенов, в хозяйстве которых наблюдается постепенное, но неуклонное падение удельного веса охоты и пушного промысла. Изменения в хозяйственном строе, рост оседлости и сближение с русским населением дали правительству возможность в конце XVIII – первой половине XIX в. явочным порядком распространить на аборигенное население и другие виды податных обязанностей. Вовлечение народностей Сибири в систему общерусских государственных и хозяйственных связей сопровождалось усилением налогового гнета этих народов, получившего законодательное оформление в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. Основные положения этого законодательного акта были систематизированы и откорректированы правительством в соответствии с общим направлением политического курса по отношению к народам Сибири во второй половине XIX – начале XX в., что нашло отражение в «Законах о состоянии», «Положении об инородцах», «Уставе о прямых налогах», «Уставе о земских повинностях» и др.

В соответствии со ст. 762 «Закона о состояниях» народы Сибири причислялись к сословной категории «сибирских инородцев» [13, ст. 762, 763], права и обязанности которой определялись «Положением об инородцах» [19]. Это положение подати и повинности коренного населения по форме подразделяло на денежные и натуральные. По назначению тогдашней административно-финансовой практикой подати и повинности аборигенов делились на следующие: 1) «подать, ясаком именуемую и поступающую в Кабинет е. и. в.»; 2) земские повинности; 3) повинности внутренние на содержание степного управле-

ния» [19, ст. 196]. Однако классификация эта нуждается в определенных оговорках, так как неточно отражает особенности податной системы, порожденной различным сословно-правовым положением трех групп коренного населения – оседлых, кочевых и бродячих.

В соответствии с законодательством «все, вообще, оседлые инородцы» должны были «сравниваться с россиянами в правах и обязанностях по условиям, в которые они вступают». Следовательно, перевод в категорию оседлых для аборигенов сопровождался значительным расширением и увеличением круга и размера податных обязанностей. Как и русские крестьяне, они платили подушную и оброчную подати, сборы на межевой и пожарный капитал, отбывали губернские, волостные, в том числе и натуральные, земские повинности и др. На практике единственным существенным отличием этой категории аборигенов от русского крестьянства являлось освобождение от воинской повинности.

Иначе обстояло дело с кочевыми инородцами. В «Положении об инородцах» 1892 г., как и в «Уставе» 1822 г., подчеркивалось, что они «составляют особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от оногo в образе управления» [19, ст. 26]. Однако, в отличие от «Устава», «Положение» 1892 г. не содержало оговорки о нераспространении на кочевников-скотоводов без специального предписания «новых общих по государству налогов» [18, № 29126]. Так на практике осуществлялся один из лозунгов националистической теории К. Х. Бунге о том, что не следует ломать сложившийся строй жизни инородцев без пользы для всего государства. Польза же государства, по мысли Бунге, требовала скорейшей и всеобъемлющей ассимиляции нерусского населения с «коренными жителями страны», т. е. с русскими [3]. Как видим, идея приравнивания аборигенов Сибири к русскому населению пронизывала и податную политику царизма. Подтверждением этому является ст. 29 Положения, в которой говорилось, что «кочующие инородцы участвуют в общих по губернии повинностях». Эта же статья содержала положение о степном управлении относительно «внутренним повинностям кочующих».

«Устав о земских повинностях» 1899 г. конкретизировал эти положения. Прежде всего уточнялось, что земские повинности следует отбывать «или посредством денежных сборов по нарядам и очередям или по иному установленному для того порядку». Следовательно, земские повинности кочевых инородцев, как и оседлых, подразделялись на денежные и натуральные. В новом уставе подчеркивалось, что «натуральные земские повинности отправляются в каждой губернии (или области) собственными ее средствами и всем ее населением». От исполнения этих повинностей избавлялись только «лица, освобожденные от них по прямому указанию закона» [24, ст. 261]. В Сибири под это положение попадали бродячие инородцы, которые еще в 1822 г. были освобождены от участия в такого рода повинностях [18, № 29126].

Как подданные государства, кочевые инородцы должны были уплачивать соответствующие налоги на содержание государственного аппарата. Таким налогом являлся 44-копеечный подушный сбор, который платили кочевые и бродячие аборигены Сибири в общей массе ясака. Этот сбор состоял из 26-копеечного сбора «на содержание полковых и подъемных лошадей» и 18-

копеечного сбора «на присутственные места». Эти податные сборы были введены указами 18 декабря 1797 г. и 27 ноября 1806 г. 44-копеечный сбор народы Сибири платили вплоть до начала XX в. [20]. Этот вид платежей, который некоторые исследователи ошибочно называют «ясачным сбором» [21, с. 224], на самом деле ничего общего с ясаком не имел. Таковы были основные налоги и повинности народов Сибири в рассматриваемый период.

Налоги на содержание степного (родового) управления мало чем отличались от мирских платежей русских крестьян. Представление о статьях расходов на внутренние повинности кочевых и бродячих инородцев этого времени дают сметы инородных управ. Жители Верхоянского улуса Якутской области в 1906 г. платили: писарю – 599 руб., его помощнику – 126 руб., на содержание здания управ – 75 руб., на канцелярские расходы – 31 руб. и т. д. Примерно аналогичная раскладка этого вида платежей наблюдается и в других инородных управах [7; 8]. Характерно, что наибольшая статья этих расходов – содержание писаря – четко прослеживается и в других губерниях [9, л. 2, 3, 7, 11; 12].

Налоги на внутренние повинности у податного населения Сибири были наиболее подвижной частью платежей; так, увеличение одних видов обложения приводило к увеличению других. Не только по уездам, но и внутри самих уездов обнаруживается значительная разница в размерах мирских денежных повинностей. В волостях оседлых инородцев Тарского уезда Тобольской губернии удельный вес этих налогов в совокупном обложении аборигенов колебался от 18,7 % (Саргатская волость) до 46,7 % (Тавско-Утузская волость). В Тобольском уезде и волостях – Тобольской, Туринской, Истяцкой, Надцинской он соответственно составлял 57 %, 60 %, 64 % [1].

У кочевых аборигенов Томской губернии в совокупном обложении (кроме ясака) на долю местных и губернских земских повинностей приходилось 50 % всех платежей. Примерно такая же картина наблюдается и в Восточной Сибири. В бурятских ведомствах Верхоленского округа Иркутской губернии на долю волостных сельских и натуральных повинностей приходилось 64,5 % всех платежей [15, с. 492–493]. Аналогичное положение наблюдается и у русских крестьян. По подсчетам В. Г. Тюкавкина, на долю земских губернских, мирских и натуральных повинностей у русского крестьянства Сибири приходилось 70,2 % всех платежей [23]. Это доказывает, что всю тяжесть по колонизации края царизм стремился переложить на плечи трудового населения.

Тяжесть денежных сборов на земские повинности усугублялась злоупотреблениями родовой администрации, проводившей под различными предлогами «темные поборы», необходимые якобы для подарков различным чиновникам. Большая часть собранных таким образом денег оседала в карманах самих родоначальников. Многочисленные циркуляры губернской администрации по борьбе с этим злом на практике оставались «мертвой буквой».

Из натуральных земских повинностей наиболее тяжелой считалась дорожная. По официальным данным, в середине XIX в. протяженность дорог в Сибири составляла около 15 тыс. верст [5, с. 99]. На этом огромном расстоянии крестьяне и инородцы должны были содержать в полном порядке дороги, наводить и ремонтировать мосты, класть гати и т. д. Однако не все коренные жи-

тели отбывали эти повинности. Кроме бродячих инородцев решением Совета Главного управления Восточной Сибири в 1863 г. «инородческие родоначальники вместе с не отделенными детьми их» освобождались от натуральных земских повинностей на период пребывания в должности [6, л. 8]. Таким образом, всей тяжестью натуральные повинности ложились на плечи трудового крестьянства. Об этом убедительно свидетельствуют материалы местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Крестьянский начальник одного из участков Тобольской губернии А. К. Дунин-Горкавич на заседании комитета отмечал, что «всякое отвлечение инородцев от дела... вредно сказывается на их благосостоянии». Не случайно губернский комитет вынес решение ходатайствовать об отмене натуральных земских повинностей и замене их денежными сборами [22, с. 121]. На крайнюю обременительность дорожной повинности и почтовой гоньбы жаловались аборигены других губерний [14, с. 94–99]. Как и остальные виды земских платежей, натуральные повинности отличались крайней неравномерностью. По волостям оседлых аборигенов Тарского уезда Тобольской губернии эти повинности в пересчете на деньги составляли от 0,01 % (Бухарская волость) до 37 % (Саргатская волость) [1], в ведомостях кочевых инородцев Верхоленского округа Иркутской губернии – от 11 % (Ангинское ведомство) до 25,7 % (Верхнеудинское ведомство) [15, с. 489–493]. Подобная разница объясняется, по преимуществу, различными местными обстоятельствами. Главное же заключается в том, что источники конца XIX в. четко зафиксировали неравномерное распределение податей относительно доходности дворов. Хотя статистические обследования конца XIX в. мало коснулись бюджетов хозяйств аборигенов, тем не менее в качестве постановки вопроса можно сравнить доходы и расходы в хозяйствах аборигенов-бедняков, середняков и кулаков.

У народов Сибири еще в первой половине XIX в. существовало заметное социальное неравенство. К концу XIX в., по мере развития товарно-денежных отношений, оно значительно усилилось. Подушная система раскладки податей без учета доходности хозяйств была наиболее выгодна зажиточным аборигенам. Последние, получая гораздо больший доход от хозяйства, платили такие же налоги, как и их односельчане – бедняки и середняки. По юридической форме и экономическому содержанию такая система сбора податей носила характер феодальной земельной ренты. Но именно эта ее особенность оказала прямое влияние на развитие капиталистических отношений у аборигенов, ибо по отношению к зажиточной группе податные платежи теряли феодальный характер и трансформировались в капиталистическую ренту. Этот процесс, носивший объективный характер, совершался на протяжении всего пореформенного периода, но особенно усилился в конце XIX – начале XX в. Источники убедительно свидетельствуют, что у аборигенов, как и у русских крестьян, годами и различными льготами в уплате налогов и податей пользовалась зажиточная часть населения. Приводимые данные позволяют утверждать, что доходность хозяйств (норма прибыли) инородцев-кулаков, которая определяется соотношением податей и расходов в крестьянском хозяйстве, в 7 раз превышала бедняцкие хозяйства, которые почти не имели прибыли и были вынуждены

прибегать к промыслам. При неравномерной раскладке податей, не соответствующей доходности хозяйств, в виде податей бедняки выплачивали, по сути дела, весь прибавочный продукт. Если в бедняцкой группе разница между доходами и расходами за вычетом податей составляла 11,7 руб., то в кулацких хозяйствах этот показатель равнялся 84,3 руб. Некоторая разница в абсолютных размерах податных платежей – 12,2 руб. у кулаков и 9,8 руб. у бедняков – на практике не имела никакого значения, так как удельный вес податей в доходах бедняков составлял 5,6 %, а у кулаков – 1 %. Аналогичная картина наблюдается и при определении степени эксплуатации хозяйств, которая отражает соотношение необходимого продукта (питание, одежда, религия) и податей. Степень эксплуатации бедняцких хозяйств была в четыре с лишним раза выше, нежели у кулаков. Не подлежит сомнению, что в хозяйстве аборигенов податная система всей тяжестью ложилась на плечи бедняков и середняков. Если последние получали прибыль на вложенный капитал лишь в урожайные годы, то хозяйство инородцев-бедняков, как и русских крестьян [23, с. 224], существовало за счет недоедания. Эта податная политика, направленная на защиту зажиточных слоев деревни, своим важнейшим социальным последствием имела рост классового антагонизма в улусах, вторую социальную войну, которая особенно обострилась в начале XX в. по мере усиления проникновения капиталистических отношений в хозяйство народов Сибири. К аналогичному выводу пришел и И. А. Асалханов, рассмотревший этот вопрос на материалах бюджетов бурятских хозяйств Забайкальской области [2, с. 16–18]. Эти особенности податной политики царизма прослеживаются и на материалах других губерний Сибири.

Неравномерность раскладки налогов и податей, высокие их размеры порождали устойчивые и многочисленные недоимки, отмечаемые у всех категорий коренных жителей. У оседлых инородцев Енисейской губернии за 5 лет, в 1880–1884 гг., недоимка по государственным земским повинностям составляла в среднем 62 %, по частным земским повинностям – 71,4 %, у кочевых инородцев эти показатели составляли соответственно 19,5 % и 32,8 %. Несоответствие размеров налогов уровню платежеспособности сельского аборигенного населения порождало недоимки и по другим видам податных платежей. Источники отмечают хронические недоимки по уплате подушной и оброчной податей – основного вида податного обложения оседлых аборигенов. В Енисейской губернии недоимки по подушным сборам составляли 15,7 %, оброчным – 17,5 %. Замечаемое по временам некоторое сокращение недоимки по окладным платежам объясняется отнюдь не повышением платежеспособности аборигенов, а беззастенчивым выколачиванием царскими властями, особенно при взыскании местных податей. При этом широко практиковались конфискация имущества и продажа его с торгов, арест родоначальников и сельских старшин, другие формы административного принуждения, вплоть до посылки воинских команд [11, л. 3–3 об.; 10, л. 157]. Но, несмотря и на эти меры, недоимки возрастали. В Тобольской губернии, например, после перевода части кочевников в категорию оседлых «податная система легла на инородцев еще тяжелее». В 1891 г. недоимки исчислялись в 87 566 руб., что составляло 140 % годового оклада, в 1901 г. – уже 98 023 руб. [4, с. 70, 201, 202; 16]. В Якутской области в 1892 г.

недоимки по земским платежам составляли 187 664 руб. К 1900 г., благодаря стараниям администрации, размер ее сократился до 116 589 руб., однако дальнейшее взыскание недоимок оставалось для местной администрации проблематичным [17, с. 63].

В итоге отметим, что в рассматриваемый период подати и повинности коренного населения Сибири по форме и содержанию носили смешанный характер. В совокупном обложении народностей края на долю местных и личных обязанностей приходилось не менее 50 % денежных платежей. Подати и повинности оседлых аборигенов на практике ничем не отличались от податных обязанностей русского крестьянства. Однако наиболее характерной формой податных обязанностей кочевых и бродячих инородцев – абсолютного большинства коренного населения – был ясак.

Список литературы

1. *Андронников И. А.* Материалы по землепользованию и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии / И. А. Андронников. – Тобольск, 1911.
2. *Асалханов И. А.* Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Забайкалья в конце XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. А. Асалханов. – Л., 1951.
3. Библиотека РГИА. Печатные записки. Л. 4, 17, 18.
4. Волости и населенные места 1893 года. Тобольская губ. – СПб., 1894. – Вып. 10.
5. Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири / Ю. Гагемейстер. – СПб., 1854. – Ч. 2.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 164.
7. ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 570. Л. 4 об.–5.
8. ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 1464. Л. 2–4.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 53. Д. 112.
10. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1358.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 295.
12. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 438.
13. Законы о состоянии. О состоянии инородцев // Свод законов. – Т. 9. – Ст. 762, 763.
14. *Кулаков П. В.* К новейшей истории минусинских и ачинских инородцев // Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения). – Красноярск, 1898.
15. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. – Иркутск, 1892. – Т. 2, вып. 6.
16. Обзор Тобольской губернии за 1905 г. – Тобольск, 1902.
17. Общее обозрение Якутской области 1892–1902 гг. – Якутск, 1902.
18. Полное собрание законов Российской империи – I. – Т. 38.
19. Положение об инородцах. О сибирских инородцах // Свод законов. – Т. 2.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 3. Д. 5051. Л. 10.
21. *Топчий А. Т.* Крестьянские реформы в Сибири / А. Т. Топчий. – Томск, 1979.
22. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903. – Т. 53. Тобольская губерния.
23. *Тюкавкин В. Г.* Сибирская деревня накануне Октября / В. Г. Тюкавкин. – Иркутск, 1967.
24. Устав о земских повинностях // Свод законов. – Т. 4.

Taxes and Servitudes Imposed on Indigenous Peoples of Siberia during the Post-Reform Period

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article analyzes the Russian Empire taxation policy, which was implemented toward indigenous peoples in Siberia. The author considers types, characteristics, and amount of taxes. The Russian Empire taxation policy implemented toward other social classes of Siberia is examined for comparison.

Keywords: indigenous peoples of Siberia, taxes, servitudes, taxation policy, analytical comparison.

Дамешек Лев Михайлович

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий, кафедра истории России
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-05-22
e-mail: levdameshek@gmail.com*

Dameshek Lev Mikhailovich

*Doctor of Sciences (History), Head
of the Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24-05-22,
e-mail: levdameshek@gmail.com*